

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. В. Черникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье анализируется символическое пространство становления региональной политической идентичности. Региональная идентичность может проявляться в политических действиях как конструктивного, так и деструктивного характера. Рассматриваются различные примеры, в том числе особенности политического символического пространства в Воронежской области.

Ключевые слова: идентичность, регион, политическое сознание, гражданское общество, символическое пространство, политические символы.

Abstract: this article analyzes the symbolic space of becoming regional political mobilization identity. Regional identity may be manifested in political action as a constructive and destructive nature. Discuss various examples, including the specifics of the political symbolic space in the Voronezh region.

Key words: identity of the region, political consciousness, civil society, symbolic space, political symbols.

Пространство есть выражение общества.

М. Кастельс

«Одним из факторов формирования идентичностей является дифференциация пространства, которая способствует появлению различных представлений об уникальных культурных традициях, сформированных на разных территориях» [1].

Региональное пространство может включать различные составляющие – социальное, политическое, культурное, экономическое, религиозное пространства. Все они взаимопересекаемые и взаимодополняемые. Социальное пространство, по мнению М. Фуко, «представляет собой систематизированное пересечение связей, объединяющих субъектов, обладающих общими признаками» [2, с. 144]. «Социальное пространство обладает способностью функционировать как символическое пространство жизненных стилей и статусных групп, характеризующихся различным стилем жизни» [там же, с. 145].

Рассматривая политическое пространство в категориях М. Фуко, можно отметить, что оно будет выступать как пространство политических стилей, статусных групп, принимающих политические решения. Огромное значение для конструирования политического пространства имеют политические символы, которые объединяют в группы. На региональном уровне символическое пространство имеет особый смысл.

Региональная идентичность представляет собой отождествление жителями себя с некоторой местно-

стью, пространством, сложившимися на ней традициями и жизненным укладом. Такие идентификации могут возникать как в результате естественного приспособления человека к местности, так и вследствие применения специальных технологий.

О. Малинова отмечает, что любое «государство проводит “политику идентичности”, направленную на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение солидарности, формирование определенного представления о нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры» [3, с. 91]. Инструментами этой политики являются официальный язык, школьные программы, требования, связанные с приобретением гражданства, национальные символы и праздники, переименование топографических объектов и т.п. Однако государство не единственный актор «политики идентичности». Не менее значима она и на региональном уровне. Символическое пространство в регионе складывается по двум направлениям: 1) естественное, отражающее исторический опыт, приспособление жителей к существующим условиям; 2) конструируемое, активизирующее образы, символы, способствующие формированию специфической региональной идентичности (Н. Абалмасова и Э. Паин используют термин «символический менеджмент» [4]).

О. Малинова называет конструирование символических смыслов символической политикой или деятельностью политических акторов, направленной на производство и продвижение/навязывание опре-

деленных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [4, с. 93].

Символы могут консолидировать вокруг себя социальные группы, создавать коллективное видение социальных и политических процессов. Процесс влияния на общественное сознание происходит при помощи средств массовой информации, гражданских действий, а также через создание политических и гражданских символов, закрепляющих определенные коды.

«Политические символы – знаки, образы, обобщающие и олицетворяющие какие-либо политические объекты, явления, процессы» [5].

Для анализа политического конструирования идентичности наибольшую важность приобретает восприятие идентичности как продукта социальной или политической активности. В то же время региональную идентичность можно рассматривать как «структурное образование со своим содержанием, мерой стойкости и противодействием влиянию извне» [6].

Сочетание объективного состояния и сконструированного образа органично сочетается в процессе формирования идентичности. Т. В. Евгеньева и В. В. Титов обращают внимание на следующие составляющие в структуре идентичности:

1) неосознаваемые компоненты политико-культурной матрицы (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой принадлежности и т.д.);

2) культурно-символические компоненты (доминирующие в обществе ценности и образы, символическое пространство идентификационного выбора);

3) конструируемые компоненты (возможность государства как центрального института политической системы воздействовать через концептуализацию идеологического поля и проводимую информационную политику на идентификационный выбор и политическую самоидентификацию граждан)» [7, с. 122–123].

Символическое пространство региональной идентичности формируется по тем же моделям, что и национально-государственной, только протяженность этого пространства уже, чем государственной. Наличие множественной и даже многоуровневой идентичности позволяет использовать как общегосударственные, так и специфические символы для формирования регионального сознания.

Символы выполняют важные функции консолидации регионального сообщества, коммуникации между политическими институтами и обществом, способствуют осознанию групповой принадлежности, самоорганизации людей, в том числе для защиты

значимых ценностей, которые олицетворяют эти символы. Они могут быть официальными (герб, флаг, ритуалы, памятные знаки) и неофициальными (праздники, символические места, легенды и др.). Главное, чтобы они были понятны людям, составляющим данное региональное сообщество.

Ю. Г. Есина предложила рассматривать региональную идентичность с учетом проблемы культурной памяти, что возможно при использовании понятия «показатели («маркеры») региональной идентичности»: а) форс-слова в речи о регионе; б) места памяти и предметы символического значения; в) коллективные представления и культурные практики [8].

Показатели региональной идентичности составляют систему признаков, применимую к любому региону, однако в каждом регионе она имеет свою иерархию и выстраивается вокруг одного маркера (группы маркеров), являющегося ключевым.

Форс-слова – это слова, имеющие «историческое прошлое» и обладающие большой силой эмоционального воздействия и большой образностью. Пример воронежских слов: *грядущка* (спинка кровати), *тягули* (отдаленное место), *баклажка* (пластиковая бутылка), *мастерка* (верхняя часть спортивного костюма).

Согласно теории французских ученых во главе с исследователем П. Нора, места памяти – это свидетельства другой эпохи, имеющие значение для современности. Ими могут быть символы региона, исторические имена, памятники. Во французской научной литературе понятие «культурная память» тесно связано с понятием «идентичность» [там же].

Коллективные представления – это представления, объем которых превышает объем опыта одного человека (Э. Дюркгейм).

Региональная идентичность сейчас наиболее рельефно проявляется на Юго-Востоке Украины, в ее западных областях.

Мощным спланированным эффектом обладают символы Донецкой Республики: флаг, герб, памятники, страницы истории. Сегодня, когда там происходит фактически гражданская война, хочется посмотреть на процесс активизации регионального сознания. Многочисленные конференции, акции, проходившие в Донецке с 1990-х гг., обращались к исторической памяти, связанной с существованием Донецко-Криворожской республики. В 1998 г. отмечали 80-летие ДКР, возлагали цветы к памятнику национального (регионального) героя – Артема [9, с. 94]. Результаты референдума в Донбассе показали возможности влияния исторической памяти на политическое сознание людей. Кроме объективных предпосылок акций протеста, здесь были задействованы символические конструкции. В историческом сознании Донбасса сохранились устойчивые образы, «маркеры» и регио-

нальные акторы использовали их для организации протестного движения населения.

Региональная идентичность наиболее рельефно проявляется при столкновении с «чужим», что сейчас наблюдается на Украине. Региональная идентичность может существовать в менее острой форме.

В центральных регионах России также формируется региональная идентичность. Для анализа символического пространства региональной идентичности можно использовать материалы по Воронежской области, полученные в результате экспертного опроса.

Нами был проведен экспертный опрос жителей Воронежа [10]. В состав экспертов были выбраны историки-краеведы, работники администрации г. Воронежа и Воронежской области, специалисты в сфере брендинга территорий, активисты общественных организаций в области экологии и защиты культурного наследия, политологи. Подбор экспертов делался с учетом той роли, которую они могут играть и играют в процессе формирования региональной идентичности. В рамках экспертного сообщества могут быть носители разных проектов идентичности. Однако диалог экспертов и общества может происходить только на основе общезначимых символов.

Экспертам был задан вопрос об узнаваемости герба Воронежской области и Воронежа. Только один из экспертов указал, что не знает старинного герба территории. Это свидетельствует о значимости для экспертов символического пространства, об устойчивом восприятии территории через политическую символику.

Другими, не менее узнаваемыми символами диалога политической власти с обществом, выступают праздники. Региональный праздник «День города» (регионального столичного центра) также является носителем своеобразного кода регионального патриотизма. Не случайно в связи с утверждением федеральной властью России единого дня голосования, который пришелся на традиционную дату проведения Дня города в Воронеже, развернулась бурная дискуссия о дате переноса праздника. Депутаты не могли определить новую дату и провели публичные слушания и интернет-опрос жителей, который показал высокую активность людей в принятии данного решения. Предложения о переносе праздника с сентября на май, совмещении его с Днем Победы не нашли поддержки. Само мероприятие интернет-голосования органично вписывается в систему конструирования идентичности.

Групповая самоидентификация осуществляется не только с помощью официальных политических, но и узнаваемых, значимых для сообщества символов. Через отношение к ним властей часто просматриваются и возможности взаимодействия элиты и общества. В чем выражаются эти символы? Памятники,

архитектурные сооружения, публичные пространства (театры, парки, площади и т.п.). При анализе ответов экспертов на вопрос: «Согласны ли вы с утверждением, что “нужно сделать всё возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов”?» выявилась тенденция консолидированной позиции экспертов. Так, только 5 % экспертов не согласны с этим утверждением. В то же время согласие с тем, что «нужно сохранить различия в говорах, особенностях поведения, питания и т.д.» высказали только 15,6 %.

В рамках одного региона могут вполне уживаться различные проекты региональной идентичности, как взаимодополняющей, так и конфликтной.

В Воронеже и области зарегистрированы организации, занимающие активную позицию в процессе формирования региональной идентичности. Поскольку наиболее явно самоидентификация происходит при столкновении с «чужим», то и значительный потенциал организаций основан на протестной активности. Прежде всего, это «Зеленая лента», защищающая интересы жителей, выступающая за сохранение Новохоперского заповедника и против добычи никеля. Голосование за символы России показало значительное влияние данной позиции на предпочтения людей. В первом туре из всех представленных достопримечательностей (Дивногорье, Калачеевская пещера, памятник Котенку с улицы Лизюкова и др.) больше всего голосов набрал Новохоперский заповедник. Во втором туре он до последней недели держал 5–6-ю строчки. Однако после массового смс-голосования из ряда регионов он потерял позиции. Процедура голосования показала возможности протестного использования символов при формировании региональной идентичности. Наряду с «Зеленой лентой», существует «Вантит» – сообщество, которое выступает за сохранение исторических памятников. Здесь также ощущается двойственность воздействия на население. Официальная власть придерживается утвержденной точки зрения на возраст г. Воронежа (с 1586 г.), возрождает символы, связанные с этим историческим периодом (макет корабля «Гото Предисциплинация»), в то время как «Вантит» и другие общественные структуры больше придерживаются досоветской точки зрения, по которой город существовал и ранее, при этом ссылаются на летописи (Никоновскую), в том числе от 1177 г., где говорится о бегстве Ярополка в Воронеж.

Символическое значение имеет граница региона. В условиях прозрачности границ, единого экономического, политического, правового пространства она играет роль линии, по которой происходит обращение региона вовнутрь, до места, где простирается пространство влияния административной власти. Однако административная граница и граница региона в

сознании людей далеко не всегда совпадают. Это обусловлено историческим опытом, экономикой, культурой и другими факторами.

Восприятие границы, пространства региона воспроизводит в сознании сообщество «своих». В ответах экспертов отчасти наблюдается рефлексия исторического опыта существования Воронежской области в больших границах. Им был задан вопрос: «Воронежская область на протяжении истории неоднократно меняла свои границы. Какие территории, по Вашему мнению, должны входить или не входить в нее?». Большинство ответивших отметило, что Воронежская область должна оставаться в нынешних границах. Некоторые эксперты (14 %) указали на возможность и желательность вхождения Липецкой области. Ни один из экспертов не выбрал варианта ответа, предлагающего существование более узких границ.

Коллективная память на региональном уровне может проявляться не только в рефлексии исторических событий, но и совместном переживании и тяжелых, и радостных моментов.

Одним из символов новой эпохи стало присвоение Воронежу звания «Город воинской славы».

Долго власти Воронежа вместе с общественностью добивались звания «Города-героя», но безуспешно. Последний отказ был в 1997 г. Это породило волну возмущений среди горожан, ветеранов, общественности и элиты. Только после учреждения звания «Город воинской славы» в 2008 г. Воронежу было присвоено звание «Город-герой».

Анализ существующих политических символов области, а также результаты экспертного опроса по-

казывают, что в Воронежской области нет жесткого противопоставления «официальной» и «народной» идентичности. Однако некоторые варианты противостояния встречаются.

Ю. Г. Есина на основании изучения опыта Франции и ее регионов предлагает выделять «показатели региональной идентичности» [8].

Можно рассмотреть проявление этих маркеров на двух примерах (таблица).

Рассматривая подобные маркеры применительно к любому региону, мы можем зафиксировать наличие специфических.

Обычно некоторые из маркеров могут стать основными, вокруг которых структурируются другие образы. Такими маркерами могут выступать язык, исторический опыт. Например, ключевым маркером Донбасса стал русский язык, впоследствии замененный символикой ДКН, ставшей и символикой ДНР.

В Воронежской области ключевые маркеры выделить сложнее, поскольку они наиболее явно проявляются при столкновении с «чужим», «другим». В случае с французскими регионами – с центром. В Донецке – с киевской властью. В Воронежской области явного широкого противостояния не наблюдается, за исключением разработки месторождения никеля, что вызывает протесты. В основном консолидация в большей мере происходит в соревновательном плане за инвестиционные ресурсы.

Конструирование региональной идентичности происходит через символическую коммуникацию. Символы выполняют различные функции и роли.

Т а б л и ц а

Проявление маркеров на примере Донбасса и Воронежской области

Маркеры	Донбасс	Воронежская область
Региональный язык, диалекты, говоры	Русский язык как основной	Фрикативное «г», суржик
Традиции и внутренние связи: профессиональные, семейные, социальные (уклад жизни, профессии, ремесла; региональный костюм, кухня; память о предыдущих поколениях, имена; фольклор)	Шахтерский регион; имеются персонажи фольклора; региональный костюм	Сельскохозяйственный, наукоемкий регион; персонажи фольклора – Бабай; воронежский репейник
Религиозные и политические убеждения	Русская православная церковь, «советская идентичность»	Православие, «красный пояс», консерватизм
История и память	ДКР	Воронеж – древний город, древнее официальной версии; Город воинской славы
Общие идентификаторы с соседними регионами	Донбасс – это Донецк, Луганск, Харьков	Центральное Черноземье, «столица Черноземья»
Региональный ландшафт и архитектура	Наличие природного угля, Северский Донец, близость к Дону, степи	Донское Мелогорье (Белогорье), степи; архитектура историческая – деревянные здания – редкость
Черты характера жителей	Сильные, «слабые не выживали», шахтерский характер	Хитрые, консервативные

Консолидация регионального сообщества вокруг символических ценностей может иметь разнонаправленные векторы – от стремления к модернизации до разрушения существующего порядка. Подъем региональной экономики в ЕС, развитие штатов в США связаны с осознанием региональной идентичности, успешным ее освоением в практической деятельности, брендировании территории. В то же время дестабилизация обстановки на Украине, стремление к автономии Каталонии и другие случаи носят конфронтационный характер, консолидация вокруг символов становится консолидацией против общего «врага». Поэтому при конструировании региональной идентичности нужно осознавать, что этот Джин может выскочить из бутылки и повести себя иначе, чем предполагает идеолог символической политики.

Особенности региональной идентичности в Воронежской области:

1) она имеет многоуровневый характер. Наряду с общероссийской может существовать и региональная. Так, 50 % экспертов отметили, что для них важно ощущать свою принадлежность к России. К сожалению, число экспертов, готовых покинуть страну (при этом гордящихся краем), столько же – 50 %. Это тревожный сигнал для общегосударственной идентичности.

Для большинства регионов характерна «множественная» идентичность. Например, «официальная», которая конструируется руководством, опирается на официальные источники. Здесь создаются образы, выгодные для позиционирования региона на внешнем поле. «Народная», которая может оспаривать официальные конструкты, апеллируя к народной памяти, сложившимся мифам. Формируются символы, понятные населению, зачастую не вписывающиеся в официальную идеологию. Сочетание «официальной» и «народной» идентичности проявляется и в Воронежской области;

2) носителями активной региональной идентичности являются не все жители, а меньшинство. Расширение численности этого меньшинства происходит только в результате столкновения общества с конкретными угрозами (разработка месторождения никеля, лесные пожары 2010 г. и т.д.);

3) формирование региональных идентичностей в России носит протестный характер, что проявляется в практической политике, в Воронежской области – ситуация вокруг Хоперского заповедника и добычи никеля;

4) несмотря на наличие естественных факторов формирования региональной идентичности, в усло-

виях глобализации, заинтересованности региональных элит создавать непохожее конкурентное пространство для привлечения инвестиций, предпочтений роль региональной идентичности возрастает. Символы трансформируются в региональные бренды, создают «узнаваемость» региона для внешнего потребителя и поддерживают региональный патриотизм внутри сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарик А. А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности / А. А. Гончарик // Идентичность как предмет политического анализа : сб. статей. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
2. Фуко М. Социальное пространство и символическая власть / М. Фуко // THESIS. – 1993. – № 2.
3. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в современной России / О. Ю. Малинова // Политические исследования (Полис). – 2010. – № 2. – С. 91.
4. Абалмасова Н. Е. Опора на символы в формировании региональной идентичности / Н. Е. Абалмасова, Э. А. Паин // Вестник Института географии РАН. – 2011. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9679.php>
5. Политология : словарь по обществознанию / под ред. Ю. Ю. Петрунина, М. И. Панова. – 2006. – Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/885/word/politicheskie-simvolu>
6. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регионоведение. – 2011. – № 3.
7. Евгеньева Т. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи / Т. В. Евгеньева, В. В. Титов // ПОЛИС. – 2010. – № 4. – С. 122–123.
8. Есина Ю. Г. Показатели идентичности в региональной культуре Франции (Вандея, Руссильон) : автореф. дис. ... канд. культурологии / Ю. Г. Есина. – М., 2011. Режим доступа: <http://dislib.ru/kulturologiya/2429-2-pokazateli-identichnosti-regionalnoy-kulture-francii-vandeya-russilon.php>
9. Проблемы региональной идентичности Донбасса : сб. статей / авт.-сост.: А. Иванов, А. Мартынов. – Донецк, 2011. – 174 с.
10. Черникова В. В. Формирование региональной идентичности в современной России (на примере Воронежской области) / В. В. Черникова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 81–87.

Воронежский государственный университет

Черникова В. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: victoriacher@list.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University

Chernicova V. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science Department

E-mail: victoriacher@list.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43